ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ

ПОЛЕТЪ

РАЗСКАЗЫ

Изданіе второе

Т-во „КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ“

Дорогіе Друзья, Братья и Сестры!

Представляемъ вамъ разсказъ Леонида Николаевича Андреева «Воскресеніе всѣхъ мертвыхъ», написанный въ 1914 году. Въ немъ авторъ говоритъ о своемъ видѣніи Втораго пришествія Христа, когда всѣ люди, всѣ звѣри, вся природа и всѣ неодушевленныя предметы будутъ ждать Его, когда бѣдная одинокая старуха, не имѣющая ничего, просвѣтлѣетъ и станетъ прекрасной, потому что «каждаго отдѣльнаго заутра назоветъ Господь по имени».

Въ нашемъ изданіи приводится текстъ произведенія въ авторской орѳографіи, безъ какихъ-либо измѣненій и правокъ, полностью идентичный изданію разсказа отъ 1917 года[1].

Пріятнаго вамъ прочтенія, Друзья!

[1] Андреевъ, Л.Н. Воскресеніе всѣхъ мертвыхъ // Полетъ: Разсказы / Л.Н. Андреевъ. – [2-е изд.]. – Т. XVI – Москва: кн-во писателей въ Москвѣ, 1917. – 213 с. – С. 33–41.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ

ПОЛЕТЪ

Изданіе второе

РАЗСКАЗЫ

т. XVI

Т-ВО «КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ»

Типографія М.И. Смирнова подъ фирмой «Московскій Листокъ»
Москва, Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. 5.

ВОСКРЕСЕНІЕ ВСѢХЪ МЕРТВЫХЪ

Мечта

Трубнымъ кличемъ архангеловъ было возвѣщено міру о грядущемъ воскресеніи всѣхъ мертвыхъ. Заутра во славѣ грядетъ Господь всѣхъ силъ, и мертвые возстанутъ изъ гробовъ.

И съ того же часа стала преображаться земля. Еще не наступило новое, а уже кончилось старое, растаяло, какъ дымъ, исчезло, какъ мучительный сонъ тысячелѣтній. Какъ будто ихъ и не было никогда: отошли всѣ заботы о жизни, страданіе и печаль, болѣзни и смерть; и не стало никакой иной заботы у живущаго, какъ только въ радости и красотѣ встрѣтить заутра грядущаго Господа.

Быстро и легко спадало съ земли ея рубище, одежда сѣрая и печальная. Еще дѣйствовали на землѣ тѣ темныя и загадочныя силы, непримиримыя и безпощадныя, что раньше назывались законами природы и все сущее подчиняли своей суровой и грозной власти, но все медленнѣе становился ихъ тяжелый ходъ, все нерѣшительнѣй — проявленія. Такъ замедляетъ свой ходъ машина, подходя къ послѣдней остановкѣ; такъ медленнѣе движетъ свои полныя воды рѣка, впадая въ море; такъ вяло, нерѣшительно, ласково и слабо распоряжаются цари, сходя со трона. Еще приказываютъ они, но уже не ждутъ исполненія и равнодушны къ послѣдствіямъ. И еще шумѣло темное море, и вѣтеръ двигался по своимъ кругамъ, но не было уже ярости въ извѣчномъ шумѣ морскомъ, и не гибли корабли: стихало море, плескалось тихо, ложилось

спокойно. И мѣстами еще догорали пожары, но не стало ярости и силы и у огня: свѣтило пламя кровавымъ свѣтомъ своимъ, но уже не жгло оно, не сожигало, не обжигало до боли, а почти ласково бродило по окружности, затихая.

И еще было пространство, дѣлимая безконечность, ужасъ возврата вѣчнаго, — и кто хотѣлъ дѣлить его попрежнему, тотъ еще дѣлилъ, и кто хотѣлъ итти или ѣхать или бѣжать, тотъ ѣхалъ и бѣжалъ; но уже не было и пространства, и становился человѣкъ тамъ, гдѣ онъ хотѣлъ быть: здѣсь, тамъ, вездѣ — и здѣсь, и тамъ, и вездѣ. Еще не знали люди, какъ это дѣлается, а уже дѣлали: вдругъ вошли въ свои гавани, въ свои бухты, заливы и стоянки всѣ корабли — изъ самыхъ дальнихъ странъ вернулись мгновенно; и въ сумракѣ предвечернемъ надъ моремъ стихшимъ гирляндами повисли свѣтящіяся оконца огромныхъ пароходовъ, земныхъ гигантовъ. И гдѣ еще по рельсамъ бѣжали, а гдѣ по воздуху неслись, а гдѣ и мгновенно становились въ мѣстѣ желаемомъ многочисленные поѣзда съ безчисленными пассажирами.

И еще было время, дѣлимая безконечность, ужасъ возврата вѣчнаго: двигались стрѣлки по кругу, на колокольняхъ звонили часы, темнота наступала, а уже не стало и времени: начиналось вѣчное, что не измѣряется, не движется, не течетъ, а пребываетъ вѣчно — одно во всемъ и все въ одномъ.

И уже не стало ни верху, ни низу; ни вчера, ни сегодня; ни здѣсь, ни тамъ — одно во всемъ, и все въ одномъ, образъ истинный и вѣчный. Неслышно и быстро преображалась земля подъ властью новаго Царя, Господа всѣхъ силъ, сѣкиры разрѣшающей.

И по всей землѣ стала тьма, но это не была та прежняя страшная ночь, что, какъ тѣнь смерти, ложится на одну сторону земли и ползетъ по ней, подобно гаду: всѣ круглые и милые бока земли съ ея синими океанами и золотой твердью окутала одна тихая и прозрачная мгла, тьма голубая и ясная, смягченный свѣтъ. И не для страха была она, не для злыхъ дѣлъ ночныхъ, не для разврата и сновъ обманчивыхъ и мучительныхъ, какъ прежде, а имѣла она дать землѣ и людямъ нѣкоторый ласковый и стыдливый покровъ: пусть въ нѣкоторой тихой тайнѣ готовится міръ, спѣшно и радостно украшается красотою, тихо облекается въ одѣянія брачныя, наряды праздничные, одежды свѣтлыя. Кто отниметъ радость у невѣсты, стыдливо украшающей себя къ прибытію жениха? Всѣ званы на пиръ, и ждетъ ласковый хозяинъ гостей нарядныхъ и смѣющихся.

Поспѣшно скидывала земля одежду мертваго скомороха, личину тлѣнную. И еще не наступило новое, а уже кончилось старое, кончилось сразу и навсегда, растаяло, какъ туманъ, исчезло, какъ ужасный сонъ тысячелѣтній — ушло тихо и навсегда. И даже не думали о немъ, такъ тихъ и незамѣтенъ былъ его уходъ, такъ ясна и всѣмъ понятна стала мрачная ложь тысячелѣтій; и даже не вспоминали о немъ, и не было человѣка на землѣ, который оглянулся бы назадъ въ глухую тьму ушедшаго: съ радостью или гнѣвомъ, тоскою или проклятіемъ. Все узналъ и все понялъ человѣкъ, все простилъ и все полюбилъ, нашелъ все, что искалъ: все понялъ и все узналъ человѣкъ. И не стало ни печальнаго, ни больного, ни скорбнаго; и не стало ни чудеснаго, ни страннаго, ни удивительнаго; и

не стало ни добраго, ни злого. Погибла самая память о быломъ и остановились всѣ дѣла.

Останавливались и остановились всѣ поѣзда, пароходы, всѣ машины плавающія, бѣгающія и летающія. Останавливались и остановились всѣ фабрики, заводы, всѣ машины дѣлающія и творящія, билліоны желѣзныхъ силъ. И стихъ ужасный грохотъ, лязгъ и звонъ, стукъ и бряцаніе, вой и свистъ, шипѣніе и гулъ — стихалъ и стихъ страшный и печальный голосъ безчисленныхъ желѣзныхъ силъ, крутящихся въ вихрѣ непрестаннаго движенія.

Открылось все запертое, всѣ двери и ворота: у тюремъ и у дворцовъ, у домовъ и церквей, желѣзныхъ звѣриныхъ клѣтокъ и конуръ — всѣ двери открылись и стали открыты. Еще стояли дома, громады каменныхъ клѣтокъ, поставленныхъ одна на другую; и еще проходили улицы между домами, и еще были города, но уже не было ни домовъ, ни улицъ, ни городовъ: легкими призраками высились когда-то тяжкія стѣны, сотканныя изъ тумана; кое-гдѣ таяли уже, исчезали безшумно. И еще были люди и звѣри; еще были цари и нищіе, рабы и господа, мужчины и женщины, дѣти и старики, больные и здоровые, — но уже не было ни царей, ни нищихъ, ни мужчинъ, ни женщинъ, ни дѣтей, ни стариковъ. И уже вышли звѣри изъ лѣсовъ — такъ-таки и вышли, покинули норы, гнѣзда и логовы свои: вошли, вползли, влетѣли въ города, ласковые и прекрасные звѣри, доселѣ невѣдомые друзья. И красивы стали улицы, окутанныя тьмой голубой и прозрачной, когда среди праздничныхъ людскихъ одеждъ замелькали прекрасныя тигровыя пятна, и тихій блескъ чешуи, кожи змѣиной, вплелся въ темень

толпы, и зеленые огоньки звѣриныхъ чудесныхъ глазъ затеплились по низу и по верху, впереди и сзади. И многія каменныя стѣны сразу становились прозрачными, быстро и тихо таяли, когда возлѣ зажигался огонекъ звѣриныхъ глазъ: пропадали города, какъ злые призраки — ни одного города не должно было застать великое и послѣднее утро.

Всѣ пришли звѣри, и только медвѣдь запоздалъ: спалъ крѣпко, долго не могъ проснуться, хотя и слышалъ сквозь сонъ кличъ архангеловъ; а когда проснулся, то сразу все понялъ и все узналъ, поспѣшно заковылялъ на своихъ вывернутыхъ лапахъ, еще не вспомнилъ, что можетъ такъ — и не итти, и не двигаться, а просто такъ.

И еще почивали мертвые въ своихъ гробахъ.

И всѣмъ очень хотѣлось гулять, но было некогда: надо было украситься, быть готовыми къ утру. И вотъ такой спѣшки еще никогда не было на землѣ, даже въ великій день творенія ея: въ одну короткую ночь пріукраситься всей красотою всему живому и всему сущему. Ночь тепла и прозрачна, но ночь коротка: и съ тихимъ шелестомъ, какъ знамена въ ночи, развернулись листья на деревьяхъ, поползли травы изъ теплой земли, цѣлыя гигантскія деревья, цѣлые лѣса возникали въ мгновеніе и строились праздничными рядами, толковали тихо, какъ расположиться красивѣе. Торопливо распускались цвѣты, несмѣтная рать дѣтей божьихъ, бѣлые и красные, голубые и лиловые: и каждый цвѣтокъ обдумывалъ внимательно красоту свою, провѣрялъ лепестки и пестики — а ихъ было множество — несмѣтная рать дѣтей божіихъ! Старались и камни: твердые базальты, холодные граниты,

жестокіе порфиры — торопливо ровняли кристаллы свои, чудесную каменную ткань; и даже тотъ ничтожный камушекъ, что года лежалъ на площади подъ ногами, тоже старался: что-то такое дѣлалъ внутри себя, задыхаясь отъ поспѣшности. Торопились и воды морскія, рѣчныя, озерныя и болотныя: растекались наикрасивѣйше, переливали цвѣтами, ища наилучшаго, приготовлялись къ необыкновеннымъ отраженіямъ, чистили свое пречистое зеркало. И даже та маленькая лужица, что только вчера захворала отъ сухости и готовилась къ смерти, засуетилась въ безпокойствѣ: что-то такое дѣлала внутри себя, задыхаясь отъ великой поспѣшности.

Украшались и звѣри красотою: подновляли пятнисто-золотистыя шкуры свои, отряхивались пушистыми хвостами, пробовали другъ на другѣ свѣтъ глазъ своихъ — торопились. Украшались птицы и гады; и таинственныя чудища морскія и подземныя любовно чистили свои щиты и панцыри, подновляли бородавки и мозоли кожистыхъ животовъ своихъ — обдумывали нарядъ. И вѣщія очи ихъ, доселѣ обреченныя на тьму и тайну, широко открылись міру, водянисто блестѣли въ голубой и прозрачной мглѣ, лежавшей надъ синимъ океаномъ. Украшались насѣкомыя: и каждый, и каждая, и каждое тщательно обдумывали безумно сложный нарядъ свой; и пестрыя бабочки, несмѣтная рать дѣтей божьихъ, торопливо крыли пыльцей новенькія крылышки свои, пробовали полетъ, наикрасивѣйше располагались на взошедшихъ уже лугахъ, среди расцвѣтшихъ уже цвѣтовъ, ихъ родныхъ братьевъ по Богу. И тѣ невидимыя человѣческимъ глазамъ, но зримыя глазу Божьему, миріады безчисленныя — и тѣ

украшались торопливо: что-то такое дѣлали внутри себя, отчего и они становились праздничными, достойными вниманія и похвалы.

И уже тишина наступала, но еще не наступила она: откуда-то съ краевъ земли и съ высотъ надъ землею шелъ сдержанный грохотъ и гулъ. То громы небесные готовились къ привѣтствію; то горы сдвигались, равняясь въ праздничные ряды; то льды холодныхъ полюсовъ возносили кристальные арки и мосты, провѣряли иступившіяся грани свои; то громы небесные готовились къ привѣтствію, рокотали сдержанно, какъ великаны на спѣвкѣ.

И торопливо украшались красотою люди. Еще не всѣ знали, что такое красота, но этого и не нужно было знать: было красотою все, что хотѣло быть красотою и радостью *привѣтствія*. Торопливо и весело раскрашивались полинезійцы, вставляя новыя щепочки въ уши и носы, татуировались безъ боли; чистили вороныхъ коней арабы и въ бѣлѣйшихъ бурнусахъ своихъ гарцовали въ пустынѣ, готовясь и горяча коней; внимательно брились англичане, по два раза проходя бритвой по одному и тому же мѣсту; рядились бабы въ пестрыя паневы и генералы надѣвали ордена и звѣзды. И что считали праздничнымъ и красивымъ, то и надѣвали; и не было разницы въ красотѣ между царской древней короной, усѣянной жемчугами, и рваной рубахой изъ рядины, цвѣтистой татуировкой на бронзовомъ тѣлѣ. И тотъ негритянскій маленькій царекъ, что носилъ на головѣ жестяную коробку отъ консервовъ, такъ и надѣлъ ее; и тѣ, что были военными, облеклись въ парадные лучшіе мундиры, украсились позолотой, пуговицами

блестящими и шнурами; и тѣ, что носили черные фраки, надѣли черные фраки; и многія дамы надѣли бальныя открытыя платья и сдѣлали прическу; и та печальная и грѣшная дама, у которой было раскрашено лицо и имѣлась одна только чрезмѣрно большая шляпа — снова накрасила свое сѣрое лицо и надѣла чрезмѣрно большую шляпу. Даже и полицейскіе надѣли форму свою, такъ какъ была она для нихъ красивѣйшимъ, что они знали; и каждый внимательно обдумывалъ свой нарядъ, искалъ наилучшаго. И, что бы каждый ни надѣвалъ, все было хорошо, красиво и умѣстно: все было красотою, что хотѣло быть красотою и радостью привѣтствія.

Но жила на землѣ одна бѣдная и одинокая старуха, у которой не нашлось на тотъ часъ ни единой праздничной одежонки: и ужъ хотѣла заплакать она, точно и не слыхала клича архангеловъ. Заплакать хотѣла она, глухая, глупая, безтолковая старуха, не имѣвшая даже единой одежонки праздничной, платка бѣлаго! Но вдругъ просвѣтлѣла она свѣтомъ внутреннимъ: и стали морщины ея прекрасны, и сѣдина ея стала прекрасна; и вошла она въ кругъ званыхъ, какъ прекраснѣйшая изъ прекрасныхъ.

Не было сна на землѣ въ ту послѣднюю и голубую ночь; тихо шумѣла она, какъ муравейникъ, и каждый маленькій муравейникъ, государство лѣсное, шумѣлъ на ней: облекался красотою, готовился къ привѣтствію. Ибо каждаго отдѣльнаго, кто бы онъ ни былъ, заутра назоветъ Господь по имени. Ибо каждаго отдѣльнаго, кто бы онъ ни былъ и какъ бы малъ онъ ни былъ и сколько его ни было на землѣ: каждую отдѣльную песчинку, каждую инфузорію, букашку

самую маленькую и скромную — *каждаго отдѣльнаго заутра назоветъ Господь по имени*. И зналъ каждый отдѣльный про радость и великое уваженіе, готовящіяся ему, и торопился изо всѣхъ силъ, не думалъ, что онъ плохъ, потому что малъ и незамѣтенъ. Каждаго увидитъ, каждаго замѣтитъ, каждому окажетъ уваженіе Господь всѣхъ силъ, сѣкира разрѣшающая, благость безмѣрная, любовь безконечная. И незамѣтно таяла ласковая и стыдливая тьма, становилась розовымъ предутреннимъ свѣтомъ.

Просвѣтлялись свѣтомъ небеса, ровно просвѣтлялись отовсюду: еще было и пространство, и время, но уже не было ни времени, ни пространства, ни запада, ни востока, и отовсюду поднималось солнце — единое солнце во множествѣ солнцъ; какъ бы равниной цвѣтущей стала вся округлая земля, единымъ собраніемъ собравшихся. И по мѣрѣ того, какъ свѣтлѣло небо, утихала на землѣ предпраздничная милая суета, — всѣ уже готовы были, не было запоздавшихъ и отсталыхъ, всѣ уже готовы были. Вмѣстѣ со свѣтомъ сходила на землю тишина, и сколько было свѣта, столько было и тишины; и становился свѣтъ необъятнымъ и необъятной становилась тишина.

Но еще почивали мертвые въ своихъ гробахъ истлѣвшихъ. И вотъ взошли солнца на небеса и наступило утро обѣщанной радости. И наступила та необъятная, великая и необыкновенная тишина, когда тихо все: и земля, и небо, и всякій голосъ молчитъ, и море зеркально, и вѣтеръ палъ, и нѣтъ ни шороха, ни всплеска, ни единаго звука, хотя бы смѣха дѣтскаго. И тихо ждали всѣ, любуясь красотой земли.

Но еще мертвые почивали въ истлѣвшихъ

гробахъ своихъ!

И тихо ждали всѣ, любуясь красотой земли. Растаяли съ туманомъ города и однимъ садомъ прелестнымъ стала вся земля, вся ея цвѣтущая равнина; красивѣйшими купами, никому не мѣшая и никого не тѣсня, раскинулись мощныя округло-пышныя дерева; и взошла трава зеленая и богатая, и цвѣты пестро-цвѣтные скромно и нѣжно благоухали, и бабочки беззвучно трепетали крылышками своими — несмѣтная рать дѣтей божіихъ! Ждали всѣ. Но и самый воздухъ ждалъ въ каждой живой частицѣ своей — также приготовился за ночь, украсился красотой воздушной. Но и самыя небеса ждали, приготовились за ночь, подновили синеву свою и углубили глубину. И прекрасные звѣри свободно раскинули свои гибкія тѣла, никому не мѣшая и никого не тѣсня, какъ цвѣтистопестрые цвѣты, и прекрасные люди смѣшались съ цвѣтами и птицами въ единомъ саду Господнемъ. Любовалась своею красотою прекрасная земля.

Но еще мертвые не проснулись, но еще мертвые почивали въ гробахъ своихъ истлѣвшихъ!

Любовалась красотою своею прекрасная земля; и ждали всѣ. Тихо разгорался тихій свѣтъ, свѣтлѣло утро обѣщанной радости; и ждали всѣ. И вотъ, огромное бѣлое облако, предножіе трона небеснаго, серебряный стягъ, встало недвижимо посередь небесной синевы. И знали всѣ, что это не простое облако, не сгущеніе сырыхъ и холодныхъ паровъ, а нѣчто особенное, предназначенное для украшенія. Было оно огромно и свѣтозарно; чудесно были очерчены его округлые, свѣтящіеся края, и весь образъ

его былъ несказанно прекрасенъ; и взыграла красотою небесная синева, его державшая; и стояло оно недвижимо — серебряный стягъ, предножіе трона небеснаго. Такъ и отъ Себя послалъ Господь украшеніе на радость и развлеченіе взорамъ ожидающихъ.

И ждали всѣ. И тихо разгорался тихій свѣтъ, свѣтлѣло утро обѣщанной радости. И вотъ уже приблизилось оно, сейчасъ наступитъ. И насторожились громы, тихо шевельнули громоносной пастію своею, подумали про себя: осанна!

И вотъ разверзлись небеса и . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Здѣсь кончилось человѣческое, и мертвые возстали.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Изданіе данной книги осуществляется при поддержкѣ Благотворительнаго фонда возстановленія церкви Святой Живоначальной Троицы съ часовней въ Язвищахъ (http://xram-v-yazvichax.ru), занимающагося реставраціей храма, расположеннаго въ селѣ Язвищи Боровёнковскаго сельскаго поселенія Окуловскаго района Новгородской области.

Данный топонимъ образованъ отъ слова «язвина», однимъ изъ значеній котораго въ старославянскомъ языкѣ является слово «нора». Недалеко отъ села протекаетъ рѣка Язовка, изрытая лисьими норами, давшая ему наименованіе.

Одно изъ первыхъ упоминаній о селѣ можно встрѣтить въ Переписной оброчной книгѣ Деревской пятины отъ 1495 года. Уже тогда тамъ проживали десятки человѣкъ.

Шли вѣка… Смѣнялись поколѣнія… Въ началѣ XX вѣка въ Язвищахъ проживали около 40 человѣкъ, что, можетъ быть, и немного, т. к. это была церковная земля, зато въ близлежащихъ деревняхъ – около 700 человѣкъ.

Жили люди, перестраивались и церкви, постоянно находившіяся въ селѣ. Такъ, въ 1891 году на мѣстѣ старой деревянной церкви былъ выстроенъ каменный храмъ Святой Живоначальной Троицы, возлѣ котораго расположилась богадѣльня, другія постройки. Рядомъ проживали и священнослужители.

Но прошло чуть менѣе трёхъ десятилѣтій, и храмъ сталъ не нуженъ. Окончательно онъ закрылся въ 1937 году. Потихонечку исчезали люди. Война, лагеря, очень многіе разъѣхались въ города… Умерло и село Язвищи, которое было снято съ регистраціи въ 1977 году. Вмѣстѣ съ нимъ умерли ещё десятки подобныхъ сёлъ и деревень.

Сейчасъ въ близлежащихъ къ храму деревняхъ вмѣсто семисотъ человѣкъ, о чёмъ сказано выше, проживаетъ около тридцати. Лишь лѣтомъ съѣзжаются дачники и мѣстность какъ-то оживаетъ.

Въ Язвищахъ остался только одинъ домъ, въ которомъ проживали священнослужители, да и тотъ давно непригоденъ для жилья.

А храмъ стоитъ – поруганный, осквернённый, но величественный – и ждётъ…

Почему такое произошло? Какъ вернуть въ тѣ прекрасныя мѣста людей, Жизнь? На эти вопросы есть много предположеній, но мы считаемъ, что сначала надо приступить къ реставраціи храма. И затѣмъ всё вернётся, т. к. въ тѣхъ мѣстахъ появится вѣра, безъ которой не можетъ жить ни теистъ, ни атеистъ.

Съ 2011 года мы начали реставрировать нашъ храмъ. За это время вынесли мусоръ, застелили временные полы, закрыли плёнкой окна. Ввиду того что зданіе церкви является памятникомъ архитектуры, приступили къ разработкѣ научно-проектной документаціи.

Если Вы имѣете возможность помочь намъ въ дѣлѣ возстановленія храма, то просимъ Васъ перечислить посильное пожертвованіе на реквизиты нашего фонда:

Расчётный счётъ получателя: 40703810655100000343
въ Сѣверо-Западномъ банкѣ ПАО «Сбербанкъ Россіи», Санктъ-Петербургъ.
ИНН получателя: 7816290748.
Получатель: Фондъ возстановленія церкви Святой Троицы въ Язвищахъ.
Счётъ Банка получателя: 30101810500000000653.
БИК Банка получателя: 044030653.
Назначеніе платежа: Благотворительное пожертвованіе.

Съ вопросами Вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адресъ lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ Васъ за поддержку, Друзья!

Поддержать насъ можно черезъ мобильное приложеніе вашего банка воспользовавшись QR-кодомъ (достаточно указать Ф.И.О. и сумму пожертвованія). Въ этомъ случаѣ средства поступятъ на расчетный счетъ.

Съ вопросами Вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адресъ lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ васъ за поддержку, друзья!

Человѣка, доброхотно дающаго, любитъ Богъ, и недостатокъ дѣлъ его восполнитъ

[Книга Притчей Соломоновыхъ 22:8]